

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

**ХОЛМ
ВЕСНЫ**

Борис Тененбаум

ХОЛМ ВЕСНЫ
(Русские корни Израиля)

БОСТОН • 2015 • BOSTON

Борис Тененбаум

Холм Весны (Русские корни Израиля)

Boris Tenenbaum

Kholm Vesny (Russkiye korni Israilya)

Copyright © 2015 by Boris Tenenbaum

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220314

Library of Congress Control Number: 2015911113

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: Н. Коган © 2015

Фотографии и иллюстрации в тексте: Wikimedia.org

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Отпечатано в США

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга возникла как результат дружеской беседы приятелей, которые вовсе не собирались заниматься историческими исследованиями. Но они родились в СССР, между собой говорили, естественно, по-русски, и в ходе беседы обратили внимание, что в числе людей, изначально строивших Израиль, оказалось очень много выходцев из Российской Империи.

Разумеется, на окраине Османской Империи в конце XIX — начале XX веков проживали евреи из многих стран, но немногочисленные идеалисты, при всем уважении к их самоотверженности и мужеству, не создают государств. Именно приток репатриантов из России обеспечил ту критическую массу энтузиастов, способную основать «новую старую страну».

В начале XX века в Палестину из России двинулись Вейцманы, Чертоки, Перские, Достровские и Сукенники, а также принявшие иудаизм Орловы и Куракины.

Оказалось, что первую электростанцию в Палестине построил Петр Моисеевич Рутенберг, бывший член партии эсеров, а первого мэра Тель-Авива, господина Дизенгофа, в Одессе называли Михаилом Яковлевичем, и был он в свое время членом организации «Народная воля».

Дгания, первый в истории кибуц, получившая прозвище «мать кибуцев», была основана друзьями из города Ромны (сейчас Сумская область, Украина). Скорее всего, на их решение о переезде повлиял погром в Ромнах в октябре 1905 года, когда было убито 8 и ранено около 30 евреев.

И вот в разговоре о кибуце Дгания довольно неожиданно всплыла фигура Доры (Деборы) Затуловской. Она входила в число первопоселенцев, и имя ее не особо знакомо на слух — но в замужестве она звалась госпожой Даян, и была матерью самого известного полководца Израиля, генерала Моше Даяна.

Судьба Деборы настолько удивительна, что захотелось поглубже вникнуть в историю ее жизни, постараться понять

трансформацию ее мировоззрения. От обеспеченной, комфортной жизни, наполненной русским искусством и литературой, она осознанно пришла к тяжелейшей судьбе основательницы нового государства, уехала к переезду в нищую турецкую провинцию, Палестину, где собралась строить «...страну для евреев...».

Дебора была абсолютно российской барышней, с хорошим образованием, и русский язык был для нее родным. Как и многие молодые люди того времени, она была идеалисткой, обожала Толстого и хотела прожить свою жизнь не зря. Она свой путь выбрала.

И тут на ум приходит имя человека покрупней, чем российская барышня с идеалистическим строем души — В.Е. Жаботинского. Он тоже вырос на русской культуре, и был в ней не «...почитателем Л.Н. Толстого...», а известным журналистом, и литератором, и переводчиком — но бросил все и ушел в сионизм, занявшись для начала изучением и иврита, и идиша.

Почему он это сделал?

В конце XIX века у российского еврейства было три основных пути — в революцию, в эмиграцию, главным образом в США, или в Палестину, строить свою страну.

В Палестину двинулись идеалисты, и при этом самых разных направлений. Кто-то собирался строить «еврейский социализм», кто-то надеялся обрести свободный труд на своей земле — а кто-то, как Жаботинский, сделал свой выбор из чувства чести. В итоге в глухой турецкой провинции был построен новый мир — государство Израиль.

Мир этот, надо сказать, носил некий российский оттенок — у героев Израйля оказались российские корни, настолько глубокие, что вплоть до середины 1970-х годов все до единого премьер-министры Израйля оказались уроженцами Российской Империи.

Книга, которую вы держите в своих руках, прослеживает путь становления этого глубоко еврейского мира, у основания которого, в частности, стояли и люди, которые, как Владимир Жаботинский (или Дебора Затуловская) в начале своего пути не знали даже идиша, а говорили на русском.

ПРЕАМБУЛА

I

Август 1903 года в Петербурге выдался жарким — и не только в смысле погоды. Государственный порядок как-то очень уж ощутимо потрескивал, и ощущалось это даже в кабинете Вячеслава Константиновича фон Плеве, министра внутренних дел, и в силу этого — главного полицейского всей необъятной Российской Империи.

Его немецкая фамилия не должна вводить в заблуждение — дед Вячеслава Константиновича действительно был из остзейского дворянства, но семейные связи его приходились на Калугу, где было и имение, и родня, да и сам Вячеслав Константинович довершил свое среднее образование именно в Калужской Гимназии, которую он закончил с золотой медалью.

Вячеслав Константинович фон Плеве вообще был способным человеком, что и доказал, все с тем же с блеском окончив курс в Московском Университете — он решил избрать карьеру юриста. Стал кандидатом прав, и после окончания курса определился на службу, и служил по прокурорской части, и очень успешно.

Но настоящий взлет у него случился в 1881 году, когда он был назначен к расследованию обстоятельств убийства Александра II, Императора Всероссийского.

Вот в этом нелегком деле Вячеслав Константинович обнаружил замечательные таланты.

Под его руководством революционному подполью «Народной Воли» были нанесены тяжкие удары, была разработана система политического сыска, никогда ранее не имевшая в России ничего равного ни по эффективности, ни по размаху деятельности.

В.К. фон Плеве оказался замечен высшей властью и круто пошел вверх. Уже в 1884 г. он стал сенатором, в 1894 — Госу-

Вячеслав Константинович Плеве

дарственным секретарем, а уж заодно — и Главноуправляющим кодификационной частью при Государственном Совете, а в 1896 произведён в чин действительного тайного советника.

4 апреля 1902 года Вячеслав Константинович был назначен министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов. Повод, правда, был нехорош — он заменил Д. С. Сипягина, убитого эсерами, но имелись и преимущества.

Дело тут было в том, что к середине лета 1903 всем понимающим людям было ясно как день, что дни славы Сергея Юльевича Витте, всемогущего министра финансов, уже сочтены, и государь его вот-вот отставит.

Министр был не согласен с проводимой государем политикой в отношении Японии, считал ее очень опасной, и совершенно не понимал, как можно вести себя столь задорно при наличии такой полной неподготовленности.

Государь же, напротив, укрепился духом, и полагал, что небольшая победоносная война — наилучшее средство в борьбе с революцией.

Отставка С. Ю. Витте в таких условиях была неизбежной, и Вячеслав Константинович просто в силу своего положения и репутации становился на место Витте, и в этом качестве делался чуть ли не Главнейшей Опорой Трона.

Что, само собой, предусматривало самые разнообразные обязанности политического характера — включая и предстоящую ему встречу с неким Теодором Герцлем, подданным Австро-Венгерской Империи, который приехал в Петербург и добился приема у Вячеслава Константиновича.

Он желал обсудить с министром еврейский вопрос.

II

Ну, что сказать? Вопрос действительно существовал — в Российской Империи имелось около 5 миллионов подданных иудейского вероисповедания, и жили они в огромной своей массе в пределах так называемой «черты оседлости».

А была она иудейским подданным Империи до ужаса тесна — не столько даже географически, сколько огромным числом ограничений и на род занятий и даже на местожительство внутри самой «черты». Скажем, евреям запрещено было проживание в селах — жить разрешалось только в специально оговоренных городах и местечках.

Результатом была скученность и массовая нищета, люди в местечках жили даже хуже, чем их очень небогатые соседи, кормившиеся крестьянским трудом.

Вообще-то, «...благосостояние иноверцев...» в число первоочередных забот правительства не входило, и видный государственный деятель Империи, К.С. Победоносцев, держался мнения, согласно которому еврейский вопрос решится тем, что треть этого беспокойного племени вымрет, треть каким-то образом растворится в общей массе населения, и треть эмигрирует куда-нибудь подальше. Ограничений на отъезд евреев за границу в принципе не имелось.

Беда, однако, была в том, что скученная масса поголовно грамотного народа — ученье в иудаизме рассматривается как религиозный долг — искала и другие выходы: еврейская молодежь в довольно значительном числе стала пополнять ряды революционных партий. Ну, и разного рода тайных организаций, в духе все той же все той же «Народной Воли».

И кому было это знать лучше, чем Вячеславу Константиновичу фон Плеве, министру внутренних дел и шефу Корпуса жандармов?

Так что поговорить со свалившимся на голову визитером, может быть, и стоило бы, но больно уж несолидно выглядел сам визитер.

Разумеется, референты представили своему министру самую подробную справку о Теодоре Герцле. Вытекало из справки то, что он всего-навсего модный венский литера-

тор, который вдруг, ни с того ни с сего, сочинил книгу о необходимости учреждения где-нибудь еврейского государства, назначил сам себя «послом еврейского народа». В этом качестве Герцль начал обивать самые разные пороги, повидал и султана, и кайзера, и даже английское правительство попытался заинтересовать своим проектом. В общем — фантазер, каких мало.

И никакой силы за ним не стояло, и говорить с ним было бы не о чем, если б не одно обстоятельство.

Дело тут было в том, что в апреле 1903 года в Кишиневе случился погром, и он, надо сказать, произвел на современников сильное впечатление.

Не часто в Европе того времени случались «...беспорядки..», когда толпа грабила, насиловала и убивала, а находящиеся тут же в городе многочисленные и вооруженные «...силы порядка...» не делали решительно ничего, чтобы этот самый порядок восстановить. Продолжалось все это три дня, и прекратилось, когда «...народная ярость...» оказалась как бы утолена.

Негативная реакция за рубежом на какое-то время озаботила российское общество. Ненадолго — проблем хватало и без этого небольшого в масштабах Российской Империи происшествия, да и государь отнёсся к досадному происшествию скорее простодушно, и особого огорчения не высказал.

Государь, впрочем, и вообще отличался простодушием.

Но вот фон Плеве, его министр внутренних дел, был человеком несравненно более умным, и решил, что следует постараться принять меры к тому, чтобы отклонить от правительства и от себя лично обвинения в «...потакании...». В потакании не самой погромной агитации журналиста Павла Крушевана, пламенного антисемита, а вот именно — в «...организации беспорядков...».

Все-таки нехорошо, когда толпа громит магазины и частные дома, пусть и под самыми что ни на есть патриотическими хоругвями — это вызывает сомнения в «...крепкой законности и разумном правопорядке...».

Уж и не говоря о том, что в еврейской среде, по понятным причинам, реакция была сильнее.

О том, что власти имели в виду под именем «...законности и правопорядка...» (по крайней мере в их отношении) — на этот счет не имели иллюзий даже самые оторванные от проблем государственной жизни «...жиды города Киева...». Именно это удачное выражение из обращенной к ним антисемитской «...увещательной брошюры...» было в большом ходу в истинно патриотической части российской печати.

Теодор Герцль

И уж дело дошло до того, что само слово «погром» как-то стало внедряться в европейские языки, и в лондонской «Таймс» появилась статья, которая в организации кишиневского погрома обвиняла В.К. фон Плеве — само собой, совершенно ложно, но впечатление-то осталось...

В общем, получалось так, что посетителя все-таки лучше принять.

III

И Вячеслав Константинович его действительно принял, и говорил с ним не как министр говорит с просителем, а как воспитанный человек — с гостем. Беседа шла уважительно, вежливо, и хозяин всячески подчеркивал симпатию и расположение к господину Герцлю — референты осведомили министра и о том, что его гость имеет степень в правоведении, и даже о том, что совсем недавно, в 1902 году, он выпустил в свет утопический роман о будущей стране евреев.

Книга была, естественно, написана на немецком, носила довольно-таки нелепое название «Altneuland» — «Старая новая страна», и повествовалось в ней о цветущей земле, полной мира и благоденствия.

Комментировать весь этот вздор Вячеслав Константинович не стал, а просто сказал господину Герцлю, что Россия не захотела бы расставаться с такими евреями, как сам господин Герцль — людьми образованными, воспитанными и культурными, но в принципе против еврейской эмиграции из страны ничего не имеет.

Все это было заявлением вполне пустопорожним. Вячеслав Константинович знал, что посетитель его приехал не в поисках любезных слов, а в надежде на «...содействие великой державы делу создания еврейского национального очага...».

Ему была нужна так называемая «Хартия» — старинная форма некоего «...документа о покровительстве...», принятая в Европе для организации каких-то поселений в дальних колониях.

И вот содействовать получению этой «Хартии от России» Вячеслав Константинович фон Плеве, министр внутренних дел Российской Империи, решительно не хотел.

Этот самый «...еврейский национальный очаг...» предполагалось создавать в пределах Палестины — турецкой провинции, нищей даже по турецким стандартам, но заявление о российском покровительстве такому предприятию с математической неизбежностью вело к осложнению отношений и с Англией, господствующей на Средиземном Море, и с Германией, претендующей на покровительство всей Турции, и, пожалуй, даже с союзной России Францией.

Так что дальше вежливых слов дело не пошло.

Встреча с Герцлем состоялась 9-го августа 1903 года, а 28 августа в Санкт-Петербурге, в основанной Павлом Крушеваном газете «Знамя», были опубликованы «Протоколы сионских мудрецов».

Материал пошел под названием «Программа завоевания мира евреями», в кулуарах и вовсе намекалось, что подлинная рукопись «Протоколов» была изъята из портфеля вождя сионистов Теодора Герцля, а Вячеслав Константинович не счел нужным и пальцем шевельнуть по этому поводу.

Герцль покинул Петербург с пустыми руками, и больше они с фон Плеве не свиделись.

В самом начале 1904-го года началась русско-японская война, 3 июля 1904 года Герцль умер в Австрии от сердечной болезни, примерно через три недели фон Плеве был убит в Петербурге эсером Сазоновым, а в 1905 оказалось, что и война с Японией безнадежно проиграна, и государство буквально треснуло.

В России началась революция...

IV

Монархия, вообще-то, удержалась просто чудом, но все-таки удержалась.

В письме к матушке, вдовствующей императрице, государь писал, что «...кризис в стране все растет...», но что он «...каждый день видится с Витте...»:

«...Часто мы встречаемся рано утром и расстаемся только с наступлением ночи. У нас два пути — найти решительного человека, чтобы подавить мятеж силой. Тогда появилось бы время перевести дух, но совершенно ясно, что пришлось бы применять силу еще и еще, что означает потоки крови, и в конце концов мы пришли бы к тому, с чего начали. Другой путь состоит в том, чтобы дать народу гражданские права — свободу слова, печати, возможность принимать законы через Государственную Думу, что конечно привело бы к конституции. Витте энергично защищает этот путь, он говорит, что, хотя и этот путь не без риска, но он представляет собой единственно возможный выход из создавшегося положения. Почти каждый, с кем я имел случай посоветоваться, был того же мнения. Витте ясно дал мне понять, что он согласится стать председателем Совета Министров только при условии, что его программа будет принята, и в его действия не будут вмешиваться. Он написал проект манифеста. Мы обсуждали его в течение двух дней, и, в конце концов, уповая на Божью милость, я подписал его. Мое единственное утешение в том, что такова воля Божья...».

Эта длинная цитата нуждается в некоторых комментариях.

Ну, во-первых, матушка не нуждалась в изложенной в письме информации, потому что это именно она рекомендовала

Сергей Юльевич Витте

сыну поговорить с Витте. Она даже написала царю, что, по ее мнению, ему «...следует довериться Витте, чтобы как-то выправить ситуацию...».

Во-вторых, то, что несколько эфемически называлось словом «кризис», достигло такой остроты, что обер-гофмаршал императорского двора выражал отчаяние по поводу того, что «...у августейшей семьи пять детей, и это может сильно осложнить побег морем из Петергофа...».

В-третьих, идея введения военной диктатуры обсуждалась очень активно и была отвергнута только потому, что никто не соглашался брать на себя роль диктатора, находя само дело безнадежным. Последним по времени кандидатом был в.к. Николай Николаевич, возможно, не блиставший умом, но человек военный и решительный. Он наотрез отказался от предлагаемого ему поста диктатора и самым настоятельным образом рекомендовал царю принять план Витте.

Наконец, Витте предлагал опубликовать свой конституционный проект в виде именно «проекта графа Витте», а не в обязывающей форме царского манифеста. Он аргументировал это тем доводом, что, если ситуация изменится, то всегда можно будет повернуть обратно — «...ибо проект министра не есть торжественный манифест государя...».

Царю, однако, нашептали, что Витте просто хочет взять весь кредит за введение конституции себе, готовя тем самым почву для провозглашения себя президентом Российской Республики. Поэтому государь решил, что манифест, подписанный им самим, будет предпочтительней.

Витте вряд ли собирался в президенты, но то, что он хотел бы обезопасить свой проект от царских шатаний и шарханых — это несомненно. Очень уж непостоянен был самодержец, и очень уж подвержен влияниям...

Манифест был опубликован, план Витте принят, его следовало теперь проводить в жизнь.

Многое свалилось на плечи Сергея Юльевича Витте. Помимо манифеста ему приходилось разгребать и последствия проигранной войны с Японией, и вопросы, связанные с пошатнувшимся российским кредитом, и осложнившиеся вдруг отношения с Германией, «...тесно связанной с Россией родством и личной дружбой суверенов обеих Империй — Российской и Германской...», но среди всего этого хаоса он нашел время принять Нахума Соколова.

Соколов был человеком очень способным, полиглотом, знавшим добрую дюжину языков, и с 1906 года он из истинно религиозного деятеля, чаявшего еврейского избавления только от прихода Мессии, стал последователем Теодора Герцля.

Он сумел добиться встречи с министром — по-видимому, в надежде преуспеть там, где у Герцля ничего не вышло, но результата не добился. Как Витте отнесся бы в итоге к просьбам о Хартти, неизвестно. Скорее всего, примерно так же, как и фон Плеве. Но вскоре и сам Витте был смещен, а реформы его выхолощены или перенаправлены.

Российская история пошла своим чередом.

V

Деятельность Царя-Освободителя, Александра II, в числе прочих огромных изменений, создала в России то, что собирательно называлось «...образованное сословие...».

Если при Николае I российское общество делилось на дворян и «...всех прочих...», то при Александре II появились и другие люди, к которым городовому, например, полагалось обращаться на «вы» — преподаватели гимназий, коммерсанты, врачи, юристы, инженеры, и прочие лица, чьи занятия давали заработок, достаточный для того, чтобы вызвать уважение у городского.

Надо сказать, что к началу XX века в этой среде к монархии относились довольно скептически, революции скорее симпатизировали, видели в ней «...очищающую грозу...», и одной

из целей реформ, замысленных С. Ю. Витте было изменение таких настроений.

Молодой литератор, Владимир Евгеньевич Жаботинский, безусловно, относился к образованному сословию.

Гимназию он, правда, так и не закончил, но успел поучиться в Италии, в открытом для всех римском университете «Sapienza» — «Мудрость» в приблизительном переводе с итальянского, и в двадцать с небольшим уже стал очень успешным журналистом, известным на всем Юге России. Настолько известным, что одним своим словом устроил приятелю Коле (незаконному сыну Иммануила Левенсона) командировку от его газеты в Лондон.

Газета, правда, поспешила оплатить своему корреспонденту дорогу от Одессы до Лондона, но статьи его аккуратно публиковала, чем и положила начало Колиной литературной карьере.

В общем, жить бы Владимиру Жаботинскому да радоваться, но в апреле 1903 году жизнь его переломилась. Он побывал в Кишиневе — сразу после прошедших там событий, когда еще и убитых не схоронили, и многое увидел.

Скажем, гвозди, вколоченные в глаза жертв...

Такие вещи и на не слишком впечатлительного человека могут произвести сильное воздействие, ну, а у Жаботинско-

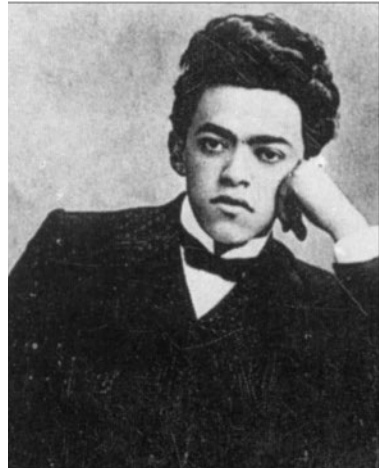

Разрушенные и подожженные дома.
После Кишиневского погрома 1903 г.

го вообще изменился взгляд на мир. Продолжать жить так, как жил до этого, стало для него невозможно, а в революцию и в возможность помочь беде в рамках России он не поверил.

Реформы Витте, даже окажись они успешными, на нем бы пропали даром — он не поверил и в них. Жаботинский решил, что Теодор Герцль прав — надо «...строить еврейское государство...».

С тех пор жизнь его была посвящена только этой цели.

В. Жаботинский — корреспондент «Одесских новостей»

VI

Журналист, который писал веселые корреспонденции из Рима, подписываясь довольно легкомысленным псевдонимом «Altalena», что по-итальянски означает «Качели», куда-то исчез. Жаботинский продолжал работать в литературе, по-прежнему писал стихи, по-прежнему делал блистательные переводы, но тон его фельетонов изменился.

Собственно, блеск изложения остался, но вдобавок к нему появилась и холодная, отстраненная, какая-то даже хирургическая логика.

Чего стоит, например, рассуждение о полной бесполезности противоположной пропаганды?

Любой политический текст, объясняет автор, будет интересен только тем, кого он непосредственно касается. Так что, да — евреям противоположная брошюра покажется очень важной. Но русские ее читать не будут, и вовсе не по злобе, а просто потому, что она не про их заботы. Уж скорей они прочтут погромную литературу, вроде той, которую публикуют черносотенные издания. Эта агитация говорит о насущных нуждах понятным народу языком, и, в сущности, отличается от революционного

листка только рецептом спасения от беды: погромная листовка клеймит жида, а революционная — городского.

И уж кстати — о революции. Жаботинский подводит итоги активного участия еврейской молодежи в революционных событиях 1905 года и не одобряет их. Не потому, что эти действия были направлены против существующего порядка вещей — нет, грехи царской системы правления и вправду вопиют к небесам, а потому, что взнос евреев в общероссийское дело слишком велик.

Если мы требуем равноправия, говорит Жаботинский своим читателям, то и вклад наш должен быть равен нашей доле в победе, достижение которой, кстати, еще только предстоит. И абсолютно неизвестно, что же именно победа нам принесет...

Все это излагается сухо, сдержанно и холодно — автор даже называет себя честным бухгалтером, который обязан учесть все плюсы и минусы предстоящего предприятия — и вот, он подводит баланс, и этот баланс неутешителен...

Трудно поверить, что все это пишет не умудренный жизнью государственный деятель, а совсем молодой человек, но нет, публикация помечена 1906, и ее автору никак не больше двадцати шести лет.

Но он твердо, сознательно и бесповоротно отгородился от участия в общероссийской политической жизни, причем настолько радикально, что вмешивается в чисто литературный спор между модным петербургским критиком и неким литератором по фамилии Тан.

Спор у них вышел на тему плодотворности участия евреев в русской литературе — критик посчитал, что они значительного вклада в нее внести не могут, в то время как Тан ему возразил, и указал на такие-то и такие-то примеры.

И Жаботинский написал статью, которая так и называется: «О евреях и русской литературе».

Он решительно встал на сторону критика, попутно буквально размазав бедного Тана по мостовой.

Жаботинский сообщил, что его очень тронуло, что «...г-н Тан черным по белому написал «мы, евреи»...». Потому что обычно-то еврейские сотрудники российских газет про евреев пишут «они», а местоимение первого лица «мы»

приберегается для более торжественных случаев — например, «...мы, русские...». Или даже «...наш брат, русак...» — Жаботинский утверждает, что этот пример он где-то видел сам.

А дальше он говорит, что дело не в заявленной г-ном Таном привязанности к русской литературе — критик, г-н К. Чуковский, и не пытается эту его привязанность разорвать, а только задает себе вопрос, велика ли польза русской литературе от этой неразрывной привязанности?

И приходит к печальным выводам — нет, невелика, и невозможно указать хоть на кого-нибудь из пишущих на русском еврейских литераторов, кто внес заметный вклад в эту чужую им культуру.

Вообще-то, Жаботинский был прав.

В черте оседлости в первом десятилетии XX века жило пять миллионов евреев, и говорили они на идиш. А вне черты, в сфере культурного русского языка, евреев жило только 4%, или, иными словами, 1 из 25 — и даже из этих людей русскоговорящими были не все.

Так что очевидное возражение — пример самого Владимира Евгеньевича Жаботинского, очень даже заметного русского литератора — не срабатывает.

Он был скорее исключением, чем правилом — да к тому же еще и оставаться в русской литературе не хотел.

И в гневной филиппике, обращенной к его оппоненту, бедному г-ну Тану, говорит, что если тому «...уютно за запятках чужой великой литературы...», то это его дело, но есть занятия и получше.

Не о чем больше говорить с г-ном Таном, но остается ведь еще и модный петербургский критик?

Ну, к критику Жаботинский обращается безупречно вежливо. Он говорит с ним корректно, отчужденно, и обращается к нему почему-то в третьем лице — «...г-н К. Чуковский...». А ведь они знакомы с юных лет, и Жаботинский был шафером у него на свадьбе.

Критик — тот самый Коля, незаконный отпрыск Иммануила Левенсона, которому Жаботинским была устроена команди-

ровка в Лондон. Будь Колины родители женаты, он звался бы Николаем Иммануиловичем Левенсоном, но так как брак заключен не был, и отцовство официально не установлено, то Коля оказался зарегистрирован как Николай Корнейчуков, с совершенно условным отчеством «Васильевич». Ну, а уж дальше он перебрался в Петербург, стал писать под псевдонимом «Корней Чуковский», и сделался известен — и даже знаменит — как критик и литератор.

Почему Жаботинский не захотел обнаружить их близкое знакомство, или хоть намекнуть на него? Не захотел обнаруживать их знакомство в открытой всем газетной публикации? Или подумал, что пути его с бывшим приятелем уже совсем разошлись?

Это нам неизвестно.

А в 1914-м, с началом Великой Войны, Жаботинский и вовсе уехал из России военным корреспондентом и обратно уже не вернулся.

Может быть стоит добавить, что в пылу полемики о нулевом вкладе евреев в русскую литературу он несколько погорячился? Потому что в 1913 году вышла в свет книжечка под названием «Камень» — первый сборник стихов О.Э. Мандельштама, который оказался очень способным автором. Он и стихи писал, и переводами занимался, но Жаботинский его, по-видимому, не заметил.

А что касается переводов, то Нахум Соколов перевел книгу Т. Герцля с немецкого на иврит. Будучи сторонником школы свободного перевода, он изменил ее название со «Старой новой страны» на куда более поэтическое: «Холм Весны».

На иврите — «Тель-Авив».

Глава первая
ХАРТИЯ И ЛЕГИОН

I

В английском языке имя «Хаим» отсутствует, поэтому профессора Хаима Вейцмана в Англии называли Чарльзом, это звучало как-то понятней. Но в тех краях, где профессор родился, имя Хаим было столь же обычным, как имя Жан где-нибудь во Франции: Вейцман родился в черте оседлости Российской империи, в местечке Мотоль возле города Пинска, в многодетной еврейской семье торговца лесом — третьим из пятнадцати детей — и до одиннадцати лет учился в хедере.

Ну, а потом родители решили, что Хаим должен поучиться чему-то и вне еврейской системы образования.

В гимназию его, конечно, не взяли — квота на прием туда евреев была узка, но реальное училище он все-таки окончил. И обнаружил при этом такие способности, что сумел поступить в Политехнический Институт в Дармштадте, а затем и в Королевский Технический Колледж в Берлине. А докторскую степень по химии получил в 1899 году, но не в Германии, а в Швейцарии, во Фрибурге.

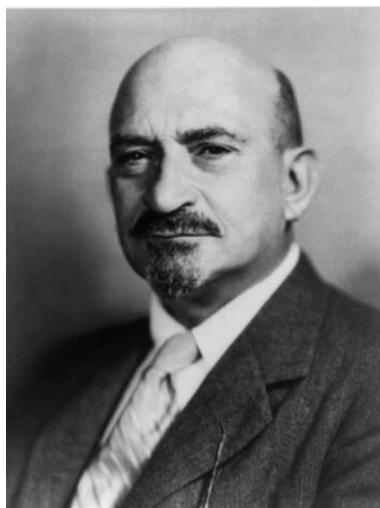
Ему было тогда двадцать пять лет.

Хаим Вейцман некоторое время преподавал химию в Женеве, а в 1904 перебрался в Англию, в университет города Манчестера.

Доктор любил говорить, что он просто «...еврей из Мотоля и всего лишь неполный профессор в провинциальном университете...», но это не следует принимать так уж всерьез.

Он хорошо усвоил обычаи своей новой родины, и знал, что такое «power of understatement» — «сила недоговоренности».

В конце концов, доктор Вейцман был знаком с такими людьми, как Уинстон Черчилль, лорд Бальфур, и даже с самим Дэвидом Ллойд Джорджем — и не потому, что был «...всего лишь неполным профессором...»....

Хаим Вейцман

Собственно, дело было даже и не в научных заслугах профессора Вейцмана — министры правительства Его Величества были люди занятые, и у них не было времени вникать во всякие там тонкости проблем химии и ее приложений в биологии.

Или, допустим, размышлять о жизнедеятельности бактерии *Clostridium acetobutylicum*, ее иной раз называют еще «организмом Вейцмана», но это для министров было неважно.

Однако на основании своих работ с этой самой бактерией

Хаим Вейцман весной 1915 года подал заявку на британский патент № 4845, связанный с особым видом ферментации. Использование этого патента позволило решить проблему производства дешевого ацетона.

Вот это для Великобритании стало очень важно — ацетон был необходим для производства кордита, английского бездымного пороха. А министром вооружений в 1915 году, после так называемого «снарядного кризиса», был назначен Дэвид Ллойд Джордж.

В 1916 он стал премьер-министром.

II

Гершон Блейхредер был личным банкиром Бисмарка, и в силу этого — очень важной персоной. В Пруссии его награждали орденами, дали дворянский титул (что для некрещеного еврея было случаем уникальным) и, наконец, он был самым богатым человеком Берлина. Если в его доме, например, устраивался «частный» обед, то на него бывали приглашены и послы иностранных держав, и прусские дипломаты. Приглашение на бал с благодарностью принималось, общество со-

биралось самое аристократическое, музыка и угощение были поистине изысканными.

При этом единственной барышней, не получавшей за весь вечер ни единого приглашения на танец, была дочь хозяина дома.

В чем тут было дело?

Бисмарк объединил Германию, как и обещал, «...железом и кровью...», инструментом же ему послужило военное сословие прусских дворян.

Разумеется, престиж военных взлетел до небес.

В их среде не любили ни говорунов-депутатов, ни адвокатов, ни бюргеров вообще. А уж Блейхредер, еврей — и в силу этого сомнительный даже и как бюргер — вдруг возведенный в дворянство и получивший право именоваться *Freiherr*, с прибавкой к фамилии аристократической прибавки «фон», он вызывал у них просто конвульсии.

Даже сын Бисмарка, Герберт, хорошо знавший, насколько полезен был Блейхредер его отцу, и то сообщал в письме к приятелю, как неприятно истинному джентльмену «...зависеть от грязного еврея...».

В Англии это было совершенно не так.

Можно привести совершенно конкретный пример — примерно в то самое время, когда Герберт фон Бисмарк столь искренне делился с другом своими движениями души, в Англии прошла шумная светская церемония.

Лорд Розбери женился на одной из наследниц лондонских Ротшильдов.

Лорд Арчибальд Филипп Примроз, 5-й эрл Розбери был отпрыском одного из самых аристократических семейств Великобритании. На свадьбе присутствовал принц Уэльский, и Ротшильды породнились с Примрозами в присутствии наследника престола...

Как мы видим, в Англии большие деньги или большие дарования давали и большие возможности, вне зависимости от «...случайностей рождения...».

Ну, а Хаим Вейцман жил в Великобритании с 1904 года, английские обычаи успел освоить, а с 1916 вообще занимал пост

научного советника по химии при Адмиралтействе. И поэтому согласно легенде на вопрос Ллойд Джорджа — «Что мы могли бы для вас сделать?» — ответил, что ему лично ничего не надо, но для своего народа он и в самом деле хотел бы получить у Англии дар.

И попросил Хартию.

Легенда — она и есть легенда, ее мнимая достоверность, как правило, ошибочна. Начнем с того, что в Великобритании даже премьер-министр не имеет полномочий на «...раздачи хартий по просьбам отличившихся...».

Действительность была гораздо сложнее.

III

Теодор Герцль по воспитанию был истинным европейцем своего времени — религия в его жизни особой роли не играла, и о еврействе своем он вспомнил только тогда, когда в качестве корреспондента либеральной венской газеты «Neue Freie Presse» в Париже освещал так называемое «Дело Дрейфуса».

Сводилось оно к обвинению в шпионаже капитана Альфреда Дрейфуса, офицера французского генерального штаба. Франция в деле эмансипации своих граждан иудейской веры шла впереди всей Европы, и для Дрейфуса, еврея родом из Эльзаса, оказалось возможным не только стать офицером, но даже и состоять на службе в генштабе.

Капитана судили, признали виновным, и приговорили к разжалованию и пожизненному заключению в далекой колонии.

А потом дело начало рассыпаться. Обвинение было построено на более чем шатких уликах. В попытке усилить доказательства их начали «...улучшать...», в ход пошли фальшивки. Их разоблачили. Разоблачение было оспорено на основании того, что «...честь французской армии — превыше всего...», превыше даже правды.

Скандал все разрастался, и в итоге расколол Францию на два лагеря, ожесточенно спорящих друг с другом. Рвались дружеские и даже семейные связи, и не только внутри страны, но и в наблюдающей за процессом Европе, вплоть до того,

что в далекой России на этой почве рассорились между собой А. П. Чехов и друживший с ним известный издатель, А. С. Суворин.

Ну, а Теодора Герцля «Дело Дрейфуса» просто потрясло. Он решил, что если такое возможно даже во Франции, то евреям вообще нет места в Европе. Они должны ее покинуть и построить свою страну. Где именно, для него особого значения не имело — хоть в Африке.

Причем Африку в данном случае следовало понимать совершенно буквально. Все в том же 1903 году, когда Герцль повидался с В.К. фон Плеве, ему было сделано в Англии альтернативное предложение — разместить сионистский проект в Восточной Африке, под покровительством Великобритании. Влезать в дела на Святой Земле англичане не захотели примерно по тем же причинам, по которым не хотели этого делать и русские, но Африка споров не вызвала бы.

Англичане в ту пору очень носились с идеей «белых доминионов» — колоний с более или менее европейским населением, которые могли бы стать надежными оплотами Британской Империи, и посчитали, что евреи их бы в качестве колонистов устроили.

Герцль был за то, чтобы принять предложение, но с ним категорически не согласились его коллеги. Особенно негодовала российская делегация. Библейский 136 псалом* сидел в памяти народа с времен вавилонского плена: «...если забуду тебя, Иерусалим, да отсохнет десница моя...».

Английский «угандийский проект» отвергли — было решено «...строить дом в Иерусалиме...».

Но ведь требовалось еще и разрешение на строительство?

* Псалом 136 (в еврейском оригинале) — песня евреев, изгнанных из Израиля в Вавилон (в 586 г. до н.э.). Пятый стих этого псалма: «Если я забуду тебя, Иерусалим, да отсохнет десница моя». (*Здесь и далее — прим. автора.*)

В переводе Юлия Кима это звучит так:

*Иерусалим, счастье моё!
Что я спую вдали от тебя?
Что я увижу вдали от тебя
Глазами, полными слёз?...*

IV

Султан Абдул-Гамид в таком разрешении отказал. Иммиграция в Турцию на индивидуальной основе не возбранялась, но переселенцы становились подданными Османской Империи.

Был, правда, в Турции режим так называемых «капитуляций». Возник он еще при Сулеймане Великолепном как уступка королю Франции, другу и союзнику, но к началу XX века это уже было нечто совершенно иное.

Если заглянуть в энциклопедию, то мы увидим вот что:

«...всякий иностранец, пользующийся режимом капитуляций, находился под защитой консула своей страны. Он освобождался от местных сборов и налогов. Турецкая полиция без консула или его доверенного лица не имела права проникать в квартиру иностранца или производить у него обыск. Споры между иностранцами разрешались консульскими судами. При тяжбах с турками иностранец обязан был обращаться к турецкому суду, но последний не имел права разбирать дело без консула или его доверенного...».

Герцль только и мечтал получить такого рода покровительство от какой-нибудь из великих держав. Но, как мы знаем, ему отказали и российский министр, и германский кайзер.

Но с началом «Великой Войны» в 1914 ситуация изменилась. Турция встала на сторону Германии, и ее территории теперь делались предметом торга и возможного раздела.

Антанта посулила отдать России Босфор и Дарданеллы, но потребовала компенсаций и себе, что и было сделано.

Франсуа Жорж-Пико и Марк Сайкс в ноябре 1915 года достигли некоего базового соглашения (оно так и называлось «Соглашение Сайкса-Пико»), по которому Англии доставались обширные территории и в Месопотамии, и в турецкой Палестине, например, районы вокруг городов Хайфа и Акко.

И получалось, что покровительство постройке еврейского национального дома делалось для Англии уже не филантропией, а делом вполне полезным. Сайкс вообще считал, что стремления сионистов к установлению своего национального

очага хорошо послужат интересам Империи, и разговаривал с доктором Вейцманом как с представителем уже как бы существующего британского протектората. Он, конечно, не раскрывал деталей подписанного им соглашения с французами, но помог сионистской организации войти в контакт с французским МИДом.

Этим занимался Нахум Соколов. Принимали его в Париже вполне любезно.

И уж вовсе нечаямая поддержка неожиданно пришла из Ватикана — папа римский, Бенедикт XV, обиняком и в предельно осторожных выражениях довел до сведения английского правительства, что образование еврейского анклава в Палестине не встретит возражений со стороны Святейшего Престола.

Дело было не в симпатии к сионистам, возникшей столь внезапно, а в том, что до Рима дошли кое-какие сведения о том, что Константинополь союзники пообещали отдать России, и это автоматически повышало роль православного клира в Иерусалиме.

Ну, и решили, что поставить этому препону будет делом излишним.

У доктора Хаима Вейцмана, таким образом, оказывались на руках некие козыри, и он был полон решимости их разыграть, но тут неожиданно для него в деле возник совершенно новый фактор.

В Лондоне появился некий российский подданный, который начал самую интенсивную деятельность, добавившую доктору забот. Звали этого русского подданного В. Е. Жаботинский.

Он хотел организовать еврейский легион.

Нахум Соколов

V

Публикация «Капитала» Карла Маркса создала огромное движение, члены которого называли себя марксистами. Но движение, единое в своей цели «...освобождения пролетариата от его цепей...», немедленно раскололось на множество сект и течений, каждое из которых понимало слово «марксизм» по-своему.

Публикация книги «Еврейское Государство» Теодора Герцля тоже создала целое движение. Название «герцлизм» или, скажем, «герцлианство», не привилось — последователи Герцля называли себя «сионистами» — но правило раскола сработало и здесь.

Сионисты могли быть и социалистами, и приверженцами капитализма, и атеистами, и людьми глубоко религиозными. К тому же они делились на сионистов английских, американских, германских и российских — и так далее.

Все эти фракции в чем-то они ладили друг с другом, а в чем-то не ладили, но оказалось, что идею отдельной еврейской воинской части встретила у них почти единодушное сопротивление.

В. Жаботинский в форме британской армии

Социалисты при этом возражали в принципе — по их мнению, еврейскому национально-освободительному движению не следовало вмешиваться в развязанную империалистами бойню. Особенно сильны были эти настроения в России — к началу 1917 года там считалось, что любая помощь Антанте послужит помощью и ненавистному царскому режиму.

Религиозные фракции полагали, что сам факт создания еврейской воинской части, сражающейся на стороне со-

юзников, поставит под удар еврейские общины по другую сторону фронта. И здесь тоже наибольшее негодование идея еврейского легиона вызывала в России. В общинах черты оседлости помнили об экспериментах польских повстанцев от Т. Костюшко и до А. Мицкевича с созданием «жидовских легкоконных полков».

Последствия для евреев вышли негативные.

В итоге на родине Жаботинского, в Одессе, его торжественно прокляли в синагоге. Видный сионистский деятель, Менахем Усышкин, сказал матери Жаботинского, что ее сына следует повесить.

Наконец, против создания еврейского легиона возражали очень многие британские евреи. Они считали себя англичанами, отличавшимися от большинства разве что вероисповеданием. И само предложение о создании «...отдельной еврейской воинской части...» воспринимали как покушение на свое равноправие.

Жаботинский, однако, настаивал на своем. Он считал, что поражение Турции предопределено, что Палестина так или иначе попадет в руки Антанты, что получение Хартии дело возможное и очень желательное — но заявку на «...еврейский национальный дом...» следует подкрепить штыками. И даже ссылался на некий накопленный опыт — в составе английских частей, высадившихся под Галлиполи, был так называемый «Zion Mule Corps» — «Сионский корпус погонщиков мулов».

Звучало это неромантично, но отряд был совершенно реальной воинской единицей, отвечал за транспортировку еды и боеприпасов в окопы, насчитывал около шестисот человек, и хорошо показал себя под огнем.

Вообще-то про польские эксперименты мало кто помнил. Считалось, что никаких еврейских военных частей не было с того времени, когда Тит Флавий разрушил Храм в Иерусалиме. Кто-то с этим положением не соглашался и полагал, что отчет следует вести с подавления восстания Бар-Кохбы при императоре Адриане, но в любом случае речь шла о глубокой древности.

Идея еврейского государства, предложенная Т. Герцлем, сама по себе была невероятным полетом фантазии — но до вооруженного компонента еврейского государства не додумался даже Герцль. Тут было над чем подумать.

VI

Жаботинский говорил впоследствии, что превращению его идеи о еврейском легионе в реальность поспособствовали два человека, и первым из них оказался российский консул в Александрии, г-н Петров.

Участие консула было случайным — осенью 1914 в Александрии появилось около тысячи евреев, высланных турецкими властями из Палестины в Египет. Турки посчитали их «...нелояльным элементом, подлежащим немедленному выселению...». Англичане разместили высланных в бараках, и на том бы, скорее всего, дело бы и закончилось, но среди беженцев оказалось около двухсот человек, которые были российскими подданными призывного возраста.

Согласно режиму капитуляций, который действовал и в Египте, они относились к юрисдикции консула Российской Империи, и г-н Петров решил срочно призвать их в армию.

Он потребовал содействия и от египетской полиции, и от представителя Англии в Александрии, который, надо сказать, и был тут настоящим хозяином.

Требование российского консула вызвало крупную демонстрацию евреев Александрии — они потребовали беженцев не выдавать.

Все это произвело эффект, который по-русски следовало бы назвать «...густо заварившейся кашей...», и Жаботинский оказался в самой ее середине.

Дело тут было в том, что он приехал в Александрию в качестве военного корреспондента газеты «Русские Ведомости». Рубль в ту пору — спасибо С. Ю. Витте — был все еще золотым, газета платила своему лучшему журналисту хорошие деньги, и потому он поселился в прекрасном отеле под названием «Regina Palace».

Когда в Александрии появились высланные из Палестины беженцы, он оставил свой номер в гостинице и поселился в тех же бараках, в которых разместили и их.

Там он очень быстро оказался в комитете, занимавшемся обустройством беженцев в бараках и решавшим возникающие среди них споры. Это случилось совершенно естественно — помимо родного русского, Жаботинский свободно говорил еще на 4-х европейских языках: английском, французском, немецком и итальянском, а к 1914 выучил и иврит, и идиш.

Понятно, что его качества полиглота тут очень пригодились.

И уже просто автоматически Жаботинский был вовлечен в трехсторонние переговоры между нотаблями еврейской общины Александрии, которые выдавать беженцев не хотели,

российским консулом, который этой выдачи требовал, и английским губернатором, который должен был этот вопрос как-то решать. В итоге дело аккуратно положили под сукно, и выдача беженцев российскому консулу так и не состоялась.

В это время Жаботинский познакомился с человеком, к которому российский консул, г-н Петров, отнесся в высшей степени корректно — немедленно начал выплачивать причитающуюся ему пенсию, и пригласил заходить, если понадобится какая-то дополнительная помощь.

Этого человека звали Иосиф Владимирович Трумпельдор, и был он инвалидом русско-японской войны, потерявшим руку под Порт-Артуром, и награжденным полным Георгиевским бантом. Такое отличие было очень редким — за всю историю четырёхстепенного Знака Отличия Военного ордена его полными кавалерами (обладателями всех четырёх степеней) стали всего около 2 тысяч человек.

И. В. Трумпельдор

А Трумпельдору впридачу к этому в 1906 году, уже после окончания войны с японцами, присвоили чин прапорщика. В военной иерархии Российской Империи он помещался примерно посередине между фельдфебелем и подпоручиком, но считался офицерским.

Для некрещенного еврея офицерский чин был уникально высоким отличием.

Жаботинский поделился с Трумпельдором своей идеей — создать еврейский легион, который в числе союзных войск будет сражаться с турками за Палестину — и получил от него полную поддержку. Предложение оформили в виде документа, поставили на обсуждение на митинге, созванном в бараках, собрали подписи людей, готовых в этот легион вступить, и отправились с предложением к генералу Максвеллу, командующему английскими войсками в Египте. Трумпельдор собрал своих добровольцев и начал «...учить их маршировать...».

Дело вроде бы начало приобретать практический оборот.

VII

У Жаботинского есть книга, называется она «Слово о Полку». И там описано, что получилось из ходатайства, обращенного к генералу Максвеллу (Жаботинский, по нормам русского языка того времени, называет его «Максвелем»).

Генерал в прошении отказал.

Он очень доходчиво объяснил, что никакого наступления на Палестину в настоящее время не планируется, что принимать иностранцев в английскую армию он не имеет права, и что максимум того, что он можно практически сделать, это создание вспомогательной транспортной части. Генералу Максвеллу для нее нужны погонщики мулов, и вот в этом качестве он готов использовать еврейских волонтеров.

При обсуждении предложения мнения участников инициативного комитета разошлись. Все его гражданские члены — включая Жаботинского — сочли такой проект неподходящим, и даже в какой-то мере оскорбительным.

Вроде бы вот оно, великое дело — еврейский легион добровольцев. Но его солдат собираются использовать не как воинов, сражающихся на фронте, а как «...погонщиков ослов...»?

Единственным человеком, готовым принять предложение, оказался Иосиф Трумпельдор.

Он посмотрел на предложение генерала Максвелла сугубо практически, так сказать, «...без всякой лирики...». Для того, чтобы освободить Палестину, турок надо разбить. А на каком фронте действовать — это вопрос технический. Для того, чтобы вести войну, нужны и штыки, и транспортные средства — и то, и другое есть вещи необходимые. И опасность — и в траншеях и в службах подвоза боеприпасов — очень часто одна и та же. Поэтому где именно будут служить добровольцы — вопрос опять же технический.

А уж беспокоиться насчет названия «погонщики ослов...» — это и вовсе что-то детское. На идиш слово «лошадь» может быть довольно оскорбительно, но если бы еврейских новобранцев пригласили служить в кавалерию, они бы не обиделись?

На этом пути Жаботинского и Трумпельдора на какое-то время и разошлись.

Трумпельдор вступил в ряды «погонщиков», новой части был назначен командир, им стал подполковник Джон Паттерсон, и началось ее формирование и обучение.

А Жаботинский предложение не принял.

Как он сказал Трумпельдору на прощание:

«...Иосиф Владимирович, я уезжаю. Если генерал Максвелл переменит свое решение и согласится учредить настоящий боевой полк, я приеду; если нет, поищу других генералов...».

И уехал в Европу. Искать других генералов.

VIII

На поиск «...нужных генералов...» у Жаботинского ушло около трех лет. Как-то они все не находились, хотя он стучался во многие двери. В Италии, например, в 1915-м, Жаботинский

побеседовал с заместителем министра колоний, и тот нашел идею легиона превосходной. Но сказал, что сделать в данный момент ничего не может — «...как вам известно, друг мой, Италия еще не вступила в войну...».

Франция в 1915 году в войну уже вступила, и сражалась не на жизнь, а на смерть, но встреча Жаботинского с видным французским дипломатом, Делькасссе, тоже никаких плодов не принесла.

В Англии лорд Китченер, фельдмаршал и военный министр, в принципе стоял и против военных действий в Палестине — «...никаких экзотических фронтов...», и против формирования всяких там сомнительных легионов — «...никаких экзотических полков...».

Но больше всего препятствий делу Жаботинского создавали все-таки евреи.

После смерти Т. Герцля осталась созданная им так называемая Всемирная сионистская организация. В 1915 году ее руководство собралось на совещание в нейтральном Копенгагене и единодушно выступило против создания легиона.

Довод Жаботинского — для политического участия в решении судьбы Палестины сионистам необходимо военное участие в борьбе за нее — был отвергнут сразу, даже без обсуждения.

Сионистская организация во-первых, не хотела нарушать свою принципиальную политику нейтралитета, а во-вторых ее германские делегаты доказывали «...с математической точностью...», что в войне победит Германия.

Так что помощи сионистов Жаботинский не получил, наоборот, они ему активно мешали.

Еще одно крупное препятствие возникло в Англии. Кадры легиона предполагалось набрать в среде евреев, которые так или иначе бежали из России и остались в Великобритании, но они идти в армию категорически не хотели.

Агитационная работа, развернутая в их среде Жаботинским, результатов не приносила.

Осенью 1916 года это положение дел лучше всех суммировал некий анархист, с которым Жаботинский водил знакомство:

«...Мистер Ж., — долго вы еще собираетесь метать горох об стенку? Ничего вы в наших людях не понимаете. Вы им толкуете, что вот это они должны сделать «как евреи», а вот это «как англичане», а вот это «как люди»... Болтовня. Мы не евреи. Мы не англичане. Мы не люди. А кто мы? Портные...».

Так все и шло — до середины 1917 года.

В июле в Лондоне был опубликован приказ об учреждении «еврейского полка».

IX

К этому времени многое изменилось. И ситуация на фронтах показывала, что ход военных действий, в общем, склоняется в пользу Антанты, и участие США в войне уже обозначилось, и «портные» как-то вдруг осознали, что после введения в Англии призыва в армию очередь рано или поздно дойдет и до них, и лучше уж служить в полку, составленном из людей той же социальной среды, что и они, но дело сдвинулось с мертвой точки.

Ядром «еврейского полка» стали солдаты, отчисленные из расформированного в 1916 галлиполийского отряда погонщиков мулов, причем Иосифа Трумпельдора брать в новый

Добровольцы «еврейского полка» в тренировочном лагере

полк не захотели. Он к этому времени имел чин капитана, и был готов понизить его на два ранга, до чина «второго лейтенанта», но ему отказали, потому что солдаты колониальных контингентов могли служить офицерами регулярных войск только в том случае, если у них было британское гражданство, которого у Трумпельдора не было. А взять его унтер-офицером тоже оказалось невозможным, потому что устав запрещал принимать инвалидов в ряды регулярных полков.

С Жаботинским таких затруднений не возникло — он вступил в формируемый полк рядовым, и был сильно занят: он попеременно то мыл полы в сержантской столовой, то по специальному вызову отправлялся для консультаций в Уайтхолл, в военное министерство Великобритании.

В конце концов ему присвоили некое странное звание — сержанта, находящегося на капральском жалованье, и вопросы с мытьем полов отпали.

Что и говорить — еврейский полк и правда получался «...экзотическим...».

Чего стоил хотя бы сам Жаботинский — видный журналист, хорошо знакомый, например, с главным редактором газеты «Таймс», в свои 36 лет отправившийся служить рядовым? Но и его товарищи по службе тоже были неординарным народом.

В «Слове о Полку» он рассказывает о них — и право же, тут стоит привести длинную цитату из оригинала:

«...Большинство, конечно, [евреи] уроженцы России, в том числе три или четыре субботника чисто русской крови, — по-еврейски «геры», как полагается, белокурые и синеглазые, притом с очень чистым произношением по-древнееврейски — по-русски зато уже говорили с акцентом.

Один из них, Матвеев, добрался до Палестины всего за несколько дней до войны: пришел пешком из Астрахани в Иерусалим прямо через Месопотамию; в субботние вечера он очень серьезно напивался, совсем по-волжскому, и тогда ложился в углу на свою койку и в голос читал псалмы Давидовы в оригинале из старого молитвенника.

Еще там было семь грузинских евреев, все с очень длинными именами, кончавшимися на «швили». Забавно было слышать, как английские сержанты ломали себе над ними языки по утрам во время переклички: «Паникомошиашвили!» — «Есть!». Это были семеро молодцов как на подбор, высокие, стройные, с правильными чертами лица, и первые силачи на весь батальон. Я их очень полюбил за спокойную повадку, за скромность, за уважение к самим себе, к соседу, к человеку постарше. Один из них непременно хотел отнять у меня веник, когда меня назначали мести. Другой, Сепиашвили, впоследствии первый в нашем легионе получил медаль за храбрость.

Кроме того, были среди нас египетские уроженцы, с которыми можно было мне сговориться только по-итальянски или по-французски.

Два дагестанских еврея и один крымчак поверяли друг другу свои тайны по-татарски.

А был там один, по имени Девикалогло, настоящий православный грек, неведомо как попавший к нам, и с ним я уже, никак не мог сговориться: если бы сложить нас обоих вместе, то знали мы вдвоем десять языков — только все разные...».

Легион становился реальностью.

Официально он именовался 38-м батальоном королевских фузилеров — в Англии, верной традициям, стрелков именовали старинным словом «фузилеры», но было понятно, что вслед за 38-м сформируют и другие батальоны, и что они «...будут носить еврейский характер...».

Легион Жаботинского теперь шел в том же политическом русле, что и Хартия, над которой трудился доктор Вейцман.

Х

Великий, долгожданный документ — та самая Хартия, которой так долго и так тщетно добивался Теодор Герцль, была обнародована в виде письма, датированного 2-м ноября 1917 года, обращенного к лорду Уолтеру Ротшильду, виднейшему представителю британской еврейской общины.

Письмо предназначалось для передачи Сионистской федерации Великобритании, было подписано министром иностранных дел, лордом Бальфуrom, и гласило следующее:

«Уважаемый лорд Ротшильд,

Имею честь передать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа, и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы довели эту Декларацию до сведения Сионистской федерации.

Искренне Ваш,

Артур Джеймс Бальфур...».

Значение этого письма переоценить невозможно — рождение еврейского государства теперь из тысячелетней мечты делало шаг в реальность. Но все же к этому, пожалуй, следует добавить и еще пару слов.

Во-первых, примерно через три месяца, в самом начале февраля 1918 года, 38-й батальон королевских фузилеров парадным строем прошел по лондонским улицам — он отправлялся на турецкий фронт, в Палестину.

А, во-вторых, «Декларация Бальфура» была опубликована в том же номере газеты «Таймс», где было опубликовано сообщение о так называемой «...Октябрьской революции в России...».

Владимир Янкелевич
РУССКИЕ КОРНИ ИЗРАИЛЯ

Свое государство евреи построили, причем сделали это вопреки всему, во враждебном окружении, в непригодном месте — не только без полезных ископаемых, но просто в пустыне. Прошли множество войн и удивляют мир своими достижениями и упорством.

И, хотя Страну строили все, выходцы из России и Марокко, Германии и Йемена, со всех концов земли, и каждый привнес что-то свое, а идею о своей стране выдвинул Теодор Герцль, венский литератор, совершенно особый вклад в создание, защиту и процветание еврейского государства, как показано в книге, внесли именно российские евреи.

К сожалению, просто невозможно отметить всех, ученых и рабочих, генералов и солдат, тех, кто осушал болота и запускал спутники в космос, кто сделал эту страну тем, чем она на сегодня является.

Но остается, все же, вопрос — почему именно российские евреи внесли такой вклад в создание Израиля? Как это могло произойти? Однозначно ответить невозможно. Утверждение, что все объясняется тем, что в России евреев было много, вряд ли верно.

Их и на самом деле было много, к концу XIX века в Российской империи проживало 67% от общей численности евреев — более пяти млн. человек. Жилось трудно, эмиграция была естественным, но сложным решением, и текла ручейком, главным образом в Америку. Погром в Одессе в 1871 году, а затем череда погромов 1881–82 гг. превратили этот ручеек эмиграции в настоящий поток. В итоге Россию покинули более двух млн. евреев, и три четверти из них направились в США.

Существенное влияние на возможность эмигрировать в Америку оказало установление надежного пароходного сообщения между Европой и Северной Америкой — иммигра-

ционный центр на острове Эллис в бухте Нью-Йорка работал напряженно.

Евреи уезжали не только в США, но и в Великобританию, Аргентину, Канаду, Францию, Южную Африку, Германию и даже в Египет. В заброшенную турецкую провинцию Палестина, в Эрец-Исраэль из России в 1881–1914 гг. репатриировались немногие, чуть более двух процентов. Они имели возможность поехать в общем потоке, туда, где шанс устроиться был выше, где было возможно работать и не держать под рукой винтовку, но предпочли малярийные болота, каменистые пустыни и полную опасностей жизнь Земли Обетованной. В начале XX века в Палестину из России двинулись Вейцманы, Чертоки, Перские, Достровские и Суkenники, а также принявшие иудаизм Орловы и Куракины.

Это были особые люди, идеалисты, считавшие «правильной жизнью» труд в сельскохозяйственных коммунах, но, как правило, неопытные, знавшие об этой жизни только по книжкам. Они привезли с собой идеи, ставшие по Марксу «материальной силой», были упорны и настойчивы, смогли создать не только первые поселения Ришон ле-Цион, Рош Пина, и Зихрон Яаков, первые кибуцы, но и эффективные отряды самообороны.

Оказалось, что первую электростанцию в Палестине построил Пинхас Моисеевич Рутенберг, бывший член партии эсеров, а первого мэра Тель-Авива, господина Дизенгофа, в Одессе называли Михаилом Яковлевичем, и был он в свое время членом организации «Народная воля».

Дгания, первый в истории кибуц, получившая прозвище «мать кибуцев», была основана друзьями из города Ромны (сейчас Сумская область, Украина). Скорее всего, на их решение о переезде повлиял погром в Ромнах в октябре 1905 года, когда было убито 8 и ранено около 30 евреев.

Приехавшие в Палестину идеалисты снова проходили жесткий отбор, отбор самой жизнью. Так из первой и второй алии не выдержали ужасных условий и уехали в другие места почти половина. Остались люди особой закалки.

Каким же образом, откуда в России появились эти, целеустремленные, ничего не боящиеся люди, ставившие «общественное выше личного»? Формирование таких настроений мало кому из «власть предержащих» удавалось...

Тут, скорее всего, сошлись несколько факторов — появление образованной еврейской интеллигенции, общая культурная среда, сформированная российскими писателями-демократами и многолетние бестолковые попытки правительства решить «еврейский вопрос».

В общем-то, евреям везде жилось не сладко, не только в черте оседлости в России, но и по всему миру. Но не сладко по-разному. К примеру, в Англии евреи, могли считать себя англичанами, отличающихся от прочих лишь вероисповеданием. Им были открыты многие дороги и возможности, что они блестяще использовали. Это не значит, что евреев любили или не отличали от всех остальных, но при упорстве и настойчивости, при достаточных талантах, они достигали удивительных высот.

В Германии значительная часть евреев вообще считала себя «немцами моисеева закона». Вот так, просто, они — немцы. Правда, как позже оказалось, сами немцы с этим были не согласны, но во времена зарождения сионизма об этом еще не знали.

Обстановка в России была другой. Черта оседлости, процентная норма при получении образования, ограничения на профессии, — все это было отменено только после февральской революции.

Настроения того времени достаточно ярко показывает дело Веры Засулич. Эта скромная домашняя учительница, была возмущена приказом петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова высечь политического заключенного. Вопрос она решила просто, явилась к нему в приемную и с расстояния полушага выстрелила в него. На суде, где вопрос ее вины, в общем-то, и не стоял — вина была очевидна, суд присяжных вынес вердикт — «Не виновна». Таков был общественный климат.

Так сложилось, что в конце XIX века у российского еврейства было три основных пути — в революцию, в эмиграцию,

главным образом в США, или в Палестину, строить свою страну. Но на каком бы пути они не оказывались, всегда привносили в него свою неумную энергию, способность противостоять жесткой конкурентной среде, не падать духом при неудачах.

Россия была беременна революцией. Революционно-либеральные идеи кружили молодые головы, Герцен с Огаревым «били в Колокол», рассказывали о народных страданиях, ответственности перед обществом и простым народом, и над всеми возвышался властитель дум — Лев Николаевич Толстой.

Молодежь увлекалась просветительскими идеями, вопросами справедливого переустройства общества — кто бомбой, кто образованием простого народа. Но все жаждали перемен.

В такой среде сионистская идея для многих представлялось естественным решением. Если власть ничего для нас не делает, то «мы наш, мы новый мир построим!», там, на Святой земле, и будет он просто прекрасным, справедливым для всех...

Таким образом, сионизм на российской почве приобретал особый окрас, и стал «Движением социалистического сионизма».

Эту идею выдвинул Нахман Сыркин в статье «Еврейский вопрос и еврейское социалистическое государство» в 1898 году. Он не был ни толстовцем, ни народовольцем, но его идеи производительного труда евреев в промышленности и, особенно, на земле, без частной собственности и наемного труда, вполне им соответствовали. Он, собственно, и популяризировал идею кибуцев, послуживших основой ишува в Палестине. То, что сам Нахман происходил из зажиточной семьи, ему явно не мешало, а позволило в Лондоне изучать английский язык, в Базеле — медицину, а позже, в Берлине переводить на немецкий язык, естественно, Толстого.

В США, где он жил с 1907 года, его идеи были благожелательно восприняты в кругах еврейских интеллигентов, но они оставались там скорее интеллектуальными упражнениями. Это и понятно, основной тренд еврейской, и любой другой группы эмигрантов, был направлен на достижение личного успеха... Им, эмигрантам, необходимо было вырваться из бедности, по принципу «Сделай или умри» (Do or die). Раздумья

о еврейской судьбе обычно начинались после решение этой жизненной проблемы, причем, в основном, выражались в материальной поддержке ишува.

Но в России начала XX века идеи Сыркина упали на подготовленную почву. Что именно «Сделать или умереть»? Репатриация в Палестину стала решением, не для всех, конечно, но решением.

Бер Борохов переводил идеалистические проекты Сыркина на практические рельсы, продвигая идею о «нормализации социальной структуры еврейского народа в результате переселения большей его части в Эрец-Исраэль». В дальнейшем это послужило идеологической базой для движения «Поалей Цион», что можно перевести, как «Труженники Сиона». В 1903 году в «Поалей Цион» вступил Давид Бен-Гурион, практик, умеющий идти к цели напролом.

Но, естественно, не только идеологические соображения играли свою роль. Еврейские погромы 1881–1882 годов подтолкнули к повсеместному созданию в России сионистских кружков, было основано массовое сионистского движения «Ховевей Цион», буквально — «Любящие Сион». Иехуда Пинскер, возглавивший организацию, сначала боровшийся за равноправие евреев в России, после погромов изменил свое мнение. С этого момента он стоял за создание еврейского государства в Палестине. Но не просто государства, а государства на основе социальной справедливости, отсутствия эксплуатации, синтеза революционных социалистических и национальных целей.

Оказалось, что в конце XIX века в России сложилась критическая масса евреев, способных реализовать эти идеи на практике.

Рожденный в центре Европы интеллектуальный сионизм Герцля и Нордау так бы и остался интеллектуальным и давно забытым движением, если бы не практическая, тяжелая и, поначалу, малоблагодарная работа на земле Эрец Израэль, которую сделали в основном евреи Российской империи. Пока «мыслители» еврейской элиты занимались важными вопросами теории и дипломатии, не такие умные, а скорее, совсем простые местечковые евреи Российской империи, делали

практическое дело. С ошибками и заносами утопического социализма, но ДЕЛАЛИ. Нужно было не только работать с президентами и парламентариями, но и осушать малярийные болота, долбить окаменевшую землю, и воевать, воевать и воевать...

Многие действующие лица уникального исторического явления — возрождения страны спустя две тысячи лет, в книге только упомянуты. Так Ариэлю Шарону, генералу и премьер-министру, генералам Ласковым, Давиду и Хаиму, и многим другим не уделено внимания, соответствующего их роли. Но книга — не академическое исследование, ее нельзя сделать многотомной монографией.

Но, все же, отдельно стоит упомянуть субботников. Это потому что исконно русских родов, они исповедовали иудаизм, конечно с определенными особенностями, но считали себя евреями. Понятно, что и сами-то евреи у властей предрержащих особой симпатии не вызывали, а тут — русские, но евреи!!!. И отношение к ним было соответствующее. А для православной церкви они просто были «живым оскорблением истинной веры». Общины их считались противозаконными, а когда с 1905 года некоторые притеснения по отношению к ним отменили, то уряднику это было как-то все равно, он мог на выбор пользоваться либо новыми положениями о субботниках, либо применить к ним дискриминационные положения по евреям. Ситуация с веротерпимостью в России в конце XIX — начале XX века оставляла желать лучшего, что хорошо видно по пограммам, и субботники на себе ощутили всю «прелесть» российской национальной политики.

Внешне они были неотличимы от русских крестьян, славяне, как славяне, только назови их другими именами, да получи согласие считаться русскими, и все — никаких проблем и притеснений. Но они прошли через этот суровый фильтр, несмотря на все преследования, требовали именовать себя евреями, и, в конце концов, переехали в Израиль.

Этот фильтр и объясняет, почему эти люди, нестигаемые и целеустремленные, привыкшие к тяжелому труду на земле, оставили такой след в строительстве и защите Израиля.

В итоге те, кто выбрали палестинский путь, в глухой турецкой провинции построили новый мир — государство Израиль.

В Музее диаспоры в Тель-Авиве среди участников первой сионистской алии множество русских фамилий — Орловы, Куракины, Матвеевы, Нечаевы, Евдокимовы, Дубровины, Кожокины и Пискаревы.

Прославленный генерал Рафаэль (Рафуль) Эйтан из рода Орловых. Его родители — Элияху Каминский и Мириам Орлова приехали в Палестину из России в 1904 году. О матери Рафуль рассказывал, что она была «женщиной спокойной и сильной». Но главным авторитетом для него всегда был отец. За неукротимость нрава он был приговорен турецкими властями к смертной казни, но бежал из Палестины. Назад он вернулся с войсками генерала Алленби в разгар Первой мировой войны.

Рафуль рассказывал, что согласно семейной легенде, один из предков матери был телохранителем русского царя Николая I. При взгляде даже на фотографию Рафуля этому веришь сразу.

В 1968 году израильскому спецназу пришлось проводить операцию возмездия в аэропорту Бейрута, названную — Операция «Дар». Нужно было доходчиво «разъяснить» «Народному фронту освобождения Палестины», что терроризм, угоны и обстрелы израильских самолетов обойдутся им очень дорого. Операцией командовал Эйтан, к тому времени — бригадный генерал. Согласно легенде, в ходе операции Рафаэль Эйтан зашёл в кафе аэропорта Бейрута, заказал себе кофе и через окно кафе наблюдал за ходом операции, затем расплатился израильскими лирами.

В сентябре 1997 года во время боевой операции в Ливане группа бойцов израильского спецназа под командованием подполковника Йоси Куракина попала в засаду и приняла неравный бой с намного превосходящими силами врага. Они не вернулись.

Куракины прошли обычный путь еврейских поселенцев, в 1901 году они получили земельный надел и основали ферму. Кроме борьбы с непаханой сотни лет землей, нужно было бо-

роться и с постоянными набегами арабов, поджигавших посевы, грабивших и терроризировавших поселенцев.

Сын Авраама Куракина — Ицхак стал бойцом еврейского сторожевого отряда, внук — Реувен, в схватке с арабами погиб.

Менахем Куракин вошел в группу из 23 еврейских и британских командос, перед которой была поставлена задача атаковать штаб пронацистского режима Виши в ливанском порту Триполи. В январе 1941 года корабль с бойцами вышел из хайфского порта. Назад он не вернулся.

Для рассказа обо всех героях только рода Куракиных нужно писать новую отдельную книгу.

Возможно, она еще будет написана, но нужно отметить, что Россия, вольно или невольно, но создала такие условия, при которых колоссальная энергия российских евреев была направлена на создание своей страны — страны Израиля.

Попытки убедить царей и министров, доказательные и красноречивые, пропали втуне. Можно сколько угодно фантазировать на тему, какой была бы история, если бы Николай I, а затем Александр II прислушались к обращению Монтефиоре, а министр Плеве, побеседовав с Теодором Герцлем, вдруг взялся бы решать «еврейский вопрос». Не прислушались, не взялся. И потому очень многие герои Израиля своими корнями произрастают из России.

Отношения России и Израиля могут меняться, могут переходить от периода потепления к охлаждению, а потом теплеть снова, но главного это изменить не может — корни героев Израиля в России, и это исторический факт.

*Владимир Янкелевич, Израиль
июль 2015 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i>	5
<i>Преамбула</i>	7
<i>Глава 1</i> Хартия и Легион	21
<i>Глава 2</i> Брак по расчету, в котором оказался изъян	39
<i>Глава 3</i> Колена Израилевы.	51
<i>Глава 4</i> Линия разлома, 1929	59
<i>Глава 5</i> Проблемы правления при несогласии управляемых.	69
<i>Глава 6</i> Учет векселей в условиях кризиса	79
<i>Глава 7</i> Ученик полковника английской разведки	85
<i>Глава 8</i> Методы ведения войны на окраинах Вавилона	94
<i>Глава 9</i> Социалист на страже интересов Империи	101
<i>Глава 10</i> Конец Британской Палестины	109
<i>Глава 11</i> Наречение именем...	119
<i>Глава 12</i> Консолидация	127
<i>Глава 13</i> Царь Давид и его полководцы	139
<i>Глава 14</i> Выдвиженец	149
<i>Глава 15</i> Как построить дом на пустыре в условиях острой нехватки материалов	159
<i>Глава 16</i> Генерал Моше Даян	169
<i>Глава 17</i> Ширма, которую назвали «Чехословакия»	176
<i>Глава 18</i> Суэцкий кризис	189
<i>Глава 19</i> Операция «Кадеш».	199
<i>Глава 20</i> Ограничение диктатуры в условиях суматошной демократии.	207

<i>Глава 21</i> Эмпирическая проверка международных гарантий безопасности.	213
<i>Глава 22</i> Люди и оружие.	229
<i>Глава 23</i> Сто семьдесят минут	243
<i>Глава 24</i> Что делают люди, оказавшись в затруднительном положении.	253
<i>Глава 25</i> Последствия разницы в темпах восприятия действительности	266
<i>Глава 26</i> Изменения в узнаваемости бренда	271
<i>Глава 27</i> Фактор систематической неосторожности	283
<i>Глава 28</i> Война Судного Дня	291
<i>Глава 29</i> Железная стена	315
<i>Заключение</i>	327
<i>Владимир Янкелевич</i> Русские корни Израиля	329

ОБ АВТОРЕ

Борис Тененбаум родился в 1948 в Москве. Окончил Московский авиационный институт. С 1981 года проживает в Бостоне, США.

Пишет на исторические темы. Его очерки и эссе публиковались в online-журналах («Заметки по еврейской истории», «Еврейская Старина», «Waronline.org» и др.). Бостонским издательством M•Graphics Publishing в 2008–2009 гг. были опубликованы его исторические эссе «Арабо-израильские войны», «Касабланка» и «Конец La Belle Epoque». Московским издательством ЭКСМО в 2011–2014 годах опубликован ряд его книг-биографий великих людей прошлого в серии «Гении власти»: *Великий Черчилль*, *Великие Борджиа*, *Великий Макиавелли*, *Великий Наполеон*, *Великий Линкольн* и др.

За последние несколько лет им подготовлены и записаны около тридцати телепередач для «Сетевизора» — биографии великих людей прошлого и современности — пользующихся большим интересом у телезрителей.

В 2013 г. Б. Тененбаум стал финалистом премии «Просветитель» за книгу «Великий Черчилль», выдержавшей в России несколько изданий.

Свое государство евреи построили во враждебном окружении, в непригодном месте — не только без полезных ископаемых, но просто в пустыне. Прошли множество войн и удивляют мир своими достижениями и упорством.

И, хотя Страну строили все, выходцы из России и Марокко, Германии и Йемена, со всех концов земли, и каждый привнес что-то свое, а идею о своей стране выдвинул Теодор Герцль, венский литератор, совершенно особый вклад в создание, защиту и процветание еврейского государства, как показано в книге, внесли именно российские евреи.

Но почему именно российские евреи? Как это могло произойти?

Россия, вольно или невольно, создала такие условия, при которых колоссальная энергия российских евреев была направлена на создание своей страны — страны Израиля.

И потому очень многие герои Израиля своими корнями произрастают из России.

Отношения России и Израиля могут меняться, могут переходить от периода потепления к охлаждению, а потом теплеть снова, но главного это изменить не может — корни героев Израиля в России, и это исторический факт.

